

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Прокофьев И.А. Застройка нижнедонских меотских городищ первых веков нашей эры: современное представление и этапы его формирования // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.5.75696 EDN: ZMGEFQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75696

Застройка нижнедонских меотских городищ первых веков нашей эры: современное представление и этапы его формирования

Прокофьев Иван Алексеевич

ORCID: 0000-0002-0046-7925

аспирант; Исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, Ломоносовский пр-кт, д. 27 к. 4

✉ i.prokofev1998@gmail.com

[Статья из рубрики "Археология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.5.75696

EDN:

ZMGEFQ

Дата направления статьи в редакцию:

29-08-2025

Дата публикации:

09-09-2025

Аннотация: В статье представлен комплексный анализ накопленных историографических данных по возникшим в дельте р. Дон на рубеже эр нижнедонским меотским городищам в целом и характере их застройки в частности. Уточняется состав этой группы памятников, затрагиваются вопросы о причинах их появления, связанных с политическими, экономическими и природно-географическими факторами, а также о характере их взаимоотношений с Боспорским царством, оказывавших влияние на особенности их материальной культуры. Основное внимание уделено истории исследования жилой застройки этих городищ, выявленной на разных этапах их археологического изучения, а также систематизации и обобщению накопленной за два века их исследования информации. Целью работы является выделение и определение

основных особенностей этапов формирования представлений о домостроительстве низнедонских меотов. Методология исследования основана на анализе археологических данных о характере застройки низнедонских меотских городищ и сравнении особенностей домостроительных практик, зафиксированных на разных памятниках, между собой. Автором выделено три этапа изучения данных памятников. Первый охватывает XIX-нач. XX века – время теоретических предположений о характере материальной культуры низнедонских меотов при почти полном отсутствии археологических данных. Второй этап приходится на межвоенный период и включает в себя масштабные разведочные работы на значительном количестве памятников, заложившие базу для их систематического изучения в дальнейшем. Третий этап начался после Великой Отечественной войны и продолжается до сих пор. Он связан с накоплением детальных данных о жилой архитектуре и строительных техниках в результате преимущественно спасательных раскопок. В статье описаны типы открытых жилых построек (каменные и глинобитные), их планировка, используемые строительные материалы и методы возведения, а также детали внутреннего устройства, такие как полы, перегородки, лежанки и очаги. Автор подчеркивает существующие лакуны в исследовании жилой архитектуры низнедонских меотских городищ и необходимость расширения как археологических, так и теоретических исследований для их устранения.

Ключевые слова:

низнедонские меотские городища, меотская архитектура, глинобитные жилища, Кобяковское городище, Нижне-Гниловское городище, Сухо-Чалтырское городище, Подазовское городище, Хапровское городище, Танаис, Нижне-Раковское городище

За укрепленными поселениями, существовавшими в дельте р. Дон в первые века нашей эры, в историографии закрепилось обозначение «низнедонские меотские городища». Их возникновение началось с к. I в. до н.э. — в это время на территории совр. г. Азова были основаны Подазовское и Крепостное городища [\[1, с. 221\]](#). По предположению А.И. Гармашова и В.А. Ларенок, основанного на анализе материала некрополей, заселение придонских территорий было волнообразным: к первой волне относится основание большинства из перечисленных выше городищ на рубеже эр, ко второй — Темерницкого и Ростовского во вт. пол. или в к. I в. н.э. [\[2, с. 68\]](#). Как отмечала И.Т. Кругликова, на рубеже эр в целом меняется общий облик поселений на берегах р. Дон: если в первые века до нашей эры поселения в низовьях Дона располагались в ровной низкой пойме реки, то укрепленные поселения первых веков нашей эры преимущественно строились уже на возвышенном правом берегу [\[3, с. 177\]](#). Отсутствие в эллинистическое время других оседлых поселений на правом берегу р. Дон отмечала А.И. Болтунова [\[4, с. 91\]](#).

Причины подобного переселения, вероятно, носили комплексный характер и лежали в политической, экономической и географической плоскостях. По замечанию Е.В. Вдовченкова, в к. I в. до н.э. активизировался «выход керамического импорта за пределы Недвиговского городища» (Танаиса) [\[5, с. 11\]](#), являвшегося крупнейшим экономическим и политическим центром региона, который Страбон называл крупнейшим «после Пантикея торжищем варваров» (Strabo, XI. 2. 3). М.А. Миллер также связывал их возникновение с Танаисом, предполагая (как сейчас считается, ошибочно [\[6, с. 187-198\]](#)), что эти поселения основывались оседавшими на землю под его культурным влиянием кочевыми сарматами [\[7, с. 161\]](#). И.В. Толочко и В.В. Польшин связывали

причины, вынудившие жителей постепенно переселиться на высокий правый берег реки, с планомерным поднятием с III в. до н.э. уровня воды в дельте реки, затапливавшим ранее обжитые пространства дельты р. Дон [8, с. 323]. Не исключено, что возникновение системы укрепленных городищ на высоком берегу могло быть также связано с изменением общей политической обстановки в дельте. Как известно, после разрушения в 8 г. до н.э. Полемоном изменилась планировочная организация и самого Танаиса [9]. В частности, значительно сократилась площадь жилой застройки за пределами оборонительных стен — в Западном городском районе.

Несмотря на то, что нередко в историографии можно встретить трактовку группы этих памятников как «хоры Танаиса» [10, fig. 1], характер и степень близости перечисленных памятников с Танаисом остаются дискуссионными. Поскольку максимум, что дает археологический материал ввиду отсутствия сведений на эту тему в письменных источниках — это подтверждение самого факта наличия контактов между ними. И.С. Каменецкий, например, утверждал, что все укрепленные поселения дельты р. Дон были напрямую подчинены Танаису, а опосредованно, через него — Боспору [1, с. 220]. С.А. Яценко предполагал существование системы двойного подчинения меотов Нижнего Подонья Боспору и сарматам [11, с. 297], а Е.В. Вдовченков довольно справедливо, на наш взгляд, допустил, что каждое из этих городищ могло иметь собственную систему взаимоотношений как с Боспором (а значит и с Танаисом), так и с окружавшими его кочевыми племенами [5, с. 10].

Выделяя их в общую группу по схожести особенностей их материальной культуры [12, с. 516] и этнического состава населения [13, с. 447], их исследователи, ввиду слабой археологической изученности этих памятников, зачастую по-разному трактуют их общее количество. Если И.С. Каменецкий в своей монографии, посвященной городищам донских меотов, писал, с оговоркой о предварительности подсчетов, о 13 памятниках такого рода, составлявших «округу Танаиса» [12, с. 5-6], то М.А. Миллер, называвший эти памятники «сарматскими укрепленными поселениями танайской группы», а вслед за ним и Е.В. Коротякская, — только о 9 [7, с. 61]. Наиболее полный их список (по И.С. Каменецкому) выглядит следующим образом: Мокро-Чалтырское, Хапровское, Сухо-Чалтырское, Нижне-Гниловское (Брянцевское), Усть-Темерницкое, Ростовское, Кизитеринское, Кобяковское, Крепостное (Азовское) и Подазовское городища, поселение у х. Рогожкино, Нижне-Раковское (Рыковское) и поселение Казачий Ерик (Рис. 1).

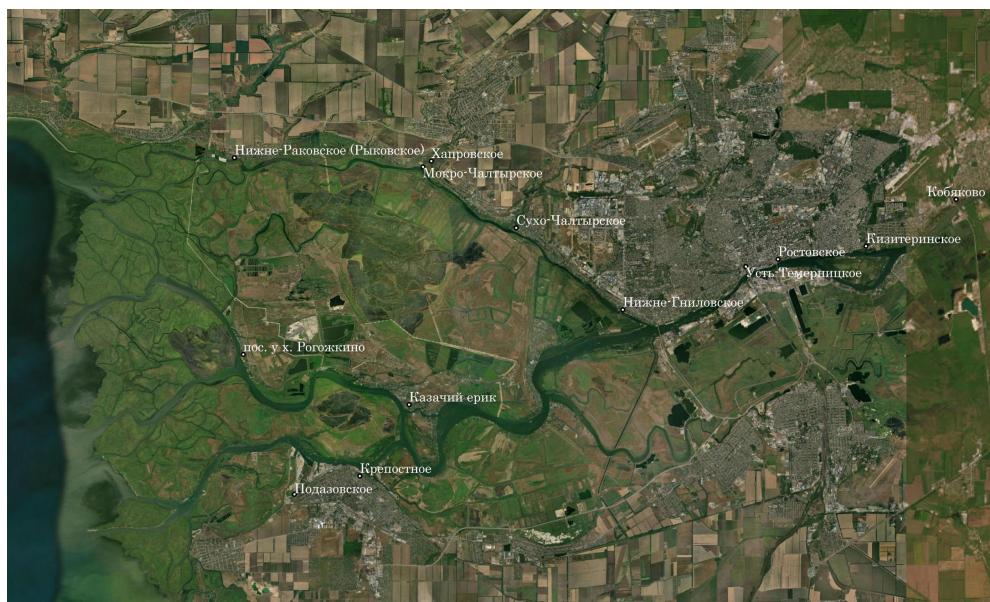

Рисунок 1. Современный космоснимок дельты р. Дон (источник esri.com, дата обращения – 19.07.2025) с нанесенными поселениями, традиционно относимыми к нижнедонским меотским городищам.

Из этого списка, по нашему мнению, следует исключить как минимум последние два памятника. Вокруг Нижне-Раковского в 1990-нач. 2000-х гг. развернулась оживленная научная дискуссия. Холм высотой ок. 10 м, расположенный в 90 м к югу от южной границы основного четырехугольника городища Танаиса, к меотским городищам отнес в 1993 г. все тот же И.С. Каменецкий [12, с. 12], сославшись на описание, сделанное еще в к. XIX в. А.Л. Крыловым («...Имеет вид кургана; находится в 27 верстах от станицы, в хуторе Недвиговском, внизу горы, под хутором; в окружности имеет 30 саж.; в вышину 12 саж. ...» [14, с. 32]). Для проверки этого предположения в 2000 г. на его части были проведены раскопки. Исследователи пришли к выводу о том, что он представляет собой мусорную свалку, образовавшуюся в результате очистки Танаиса, последовавшей за его разрушением в сер. II в. н.э. [15, с. 21]. Однако версию о существовании именно в этом месте Нижне-Раковского меотского городища раскопки до конца не исключили. Зафиксированные в мусорных слоях холма «прослойки и сбросы сырца, иногда с остатками сильно обожженного турлука» [15, с. 21] вместе с общим анализом топографии холма (исследователь видел в ней «узкую лощину» въезда с возвышениями на месте фланкирующих его утраченных привратных башен) дали основание Б.А. Раеву развить идею о существовании здесь во вт. пол. II в. н.э. отдельного укрепленного поселения, отличного по этническому составу от основного четырехугольника городища Танаиса [16]. Эта версия была подвергнута критике Л.М. Казаковой, предположившей, что «ложбина» возникла в 1867 г. и представляет собой исследовательский разрез, сделанный В.Г. Тизенгаузеном, а возвышения по его сторонам связаны с выкидами времен Второй мировой войны, сделанными в процессе устройства фортификационных сооружений, о следах которых упоминал в своей монографии Д.Б. Шелов [17, с. 232-233; 18, с. 95]. Кроме того, исследовательница тщательным образом проанализировала археологический материал из раскопок и разведок, проведенных на холме, убедительно, на наш взгляд, доказав, что они свидетельствуют о существовании в этом месте во вт. пол. II-III вв. н.э. именно мусорной свалки, а никак не самостоятельного меотского поселения, как предполагали И.С. Каменецкий и Б.А. Раев [17, с. 233-234]. На это указывают и кадры немецкой аэрофотосъемки местности от 29 июля 1943 г. [19], на

которых отчетливо видны окопы, устроенные в верхних точках холма по обе стороны от «лошины». А сама она, судя по изображению на снимке, появилась здесь до событий Великой Отечественной войны. Тот факт, что «лощина» до сегодняшнего дня не заплыла — разница в перепаде высот между верхней точкой холма и нижней точкой предполагаемого Б.А. Раевым въезда составляет почти 10 м — заставляет нас склоняться к точке зрения Л.М. Казаковой о том, что это след раскопа В.Г. Тизенгаузена. Если бы «лощине» было около двух тысяч лет, то перепад, скорее всего, был бы менее резким. Поселение Казачий ерик подвергалось археологическому исследованию единожды — в нач. 1960-х гг. Результаты этих работ Приазовского отряда Кобяковской археологической экспедиции, в центре внимания которых находились исключительно средневековые слои поселения, были опубликованы А.В. Гадло [20]. Наличие слоев I-II вв. н.э. в заметке упоминалось лишь вскользь [20, с. 41] — на наш взгляд, этого недостаточно для отнесения памятника к меотским городищам. Таким образом, перечисленную И.С. Каменецким группу из 13 поселений мы бы сократили как минимум до 11. Материалы с х. Рогожкино на данный момент также оставляют много вопросов к отнесению его к данной группе.

Первый этап формирования представлений о характере даже не столько застройки нижнедонских городищ, сколько об их материальной культуре в целом, продлился с нач. XIX в. по вт. четв. XX в. Исследователи в это время довольствовались преимущественно теоретическими построениями, основываясь на данных из письменных источников, в меньшей мере действуя сведения, полученные при натурном обследовании городищ, а также в результате ограниченных разведочных работ и анализа оказывавшихся в их поле зрения единичных предметов, добытых кладоискателями или местными жителями.

И.А. Стемповский предполагал, что посещенные им Гниловское и Сухо-Чалтырское городища являлись «ведетами» (*σκοπάι*) Танаиса, созданными для защиты речного судоходства и осуществления торговли с местными племенами, подобными тем, которые, по указанию Страбона, были построены по восточному побережью Азовского моря клазоменскими греками (Strabo. XI, 2, 4) [21, с. 391-395]. В 1865 г. В.Г. Тизенгаузен провел ограниченные разведки на Кобяковском городище, заложив «20 пробных раскопов» [22], в границах которых не было зафиксировано строительных остатков. Вероятно, малая площадь разведочных шурфов при почти полном отсутствии в то время в историографии представления об особенностях меотского домостроения не позволила верно интерпретировать вероятно встречавшиеся в них тонкие прослойки пола, фрагменты турлучных стен и глиняной обмазки.

После этого к археологическому изучению городищ вернулись только в начале следующего столетия — в 1906-1916 гг. на территории Нижнего Дона были проведены масштабные разведочные работы под руководством местного краеведа и археолога М.Б. Краснянского, часть результатов которых была опубликована им в статье «Розыски древних поселений Дона» [23, с. 139-143]. В рамках этих полевых исследований было установлено и картографировано местоположение 49 разновременных поселений речной дельты, включавших в том числе и меотские городища. Как бы развивая предположение И.А. Стемповского о ведетах, М.Б. Краснянский видел в Темерницком городище, расположенному на территории современного г. Ростов-на-Дону, «факторию» Танаиса, сделав вывод о его «греческом» населении на основе характера находок на территории памятника [24]. К «греческим» он отнес также Кобяковское и Нижне-Гниловское городища [23]. Отметим, что в 1908 г. ему довелось принимать участие в раскопках Танаиса под руководством Н.И. Веселовского [25, с. 225-226]. Поддержал предположение

М.Б. Краснянского о Темерницком городище как о «передовой» фактории Танаиса в своей статье и другой ростовский археолог, историк и краевед А.М. Ильин [26, с. 74], приводя в качестве одного из аргументов в пользу этой теории факт обнаружения на его территории продатированной В.В. Латышевым I-II в. н.э. плиты из белого мрамора с посвятительной надписью Богу-высочайшему [27, с. 157]. Здесь необходимо отметить, что точный археологический контекст находки неизвестен. Нельзя исключать, что плита была перемещена на территорию Темерницкого городища в Новое или Новейшее время с территории Недвиговского городища и не имела никакой связи с местным населением первых веков нашей эры. Сомнение по поводу местного происхождения плиты было высказано В.В. Латышевым в отдельной публикации [28, с. 134-135] и зафиксировано в Корпусе Боспорских надписей [29, с. 793-794].

Таким образом, в нач. XX в. крайне слабо изученные археологически нижнедонские городища считались колониями Танаиса, вынесенными им вглубь дельты реки для защиты торговых путей и развертывания торговли с местным населением. Ввиду крайне плохой археологической изученности памятников исследователи не располагали никакими сведениями о характере их застройки, за исключением очертаний внешних границ отдельных городищ, определенных при натурном обследовании местности [27, с. 154]. Первый этап их изучения закончился с наступлением Первой мировой и Гражданской войн.

Второй этап выпал на межвоенный период и характеризуется коротким периодом масштабных разведочных работ на памятниках, значительно расширивших представления об их материальной культуре.

Только что созданной Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК под руководством А.А. Миллера в 1923-1928 гг. были обследованы с обмерами, нивелировками, сбором подъемного материала и описанием Хапровское, Сухо-Чалтырское, Нижне-Гниловское, Кизитеринское, Кобяковское, Подазовское, Ростовское и Темерницкое городища [30, с. 132]. Результаты исследования последнего были частично опубликованы Г.А. Иноземцевым, в которых без описания конкретных архитектурных конструкций он констатировал наличие «темных прослоек горелого камыша, обожженных комков глины», «остатков глиняной обмазки», а также «камней, местной породы, находящихся, по-видимому, в беспорядке» [31, с. 22] (Темерницкое городище в тот период именовалось «Ростовским», так как еще не было открыто городище, которое именуется Ростовским в современной историографии [6, с. 61]). Для Кобяковского городища А.А. Миллер в своем кратком отчете отмечал «необычайно тесное расположение построек» из «сарматского известняка» [32, с. 122], не конкретизируя при этом характер кладки и их планировки.

К сожалению, после масштабных разведок 1920-х гг. систематическое изучение памятников на долгие годы было практически прервано. Связано это было с принудительным закрытием в 1930 г. Ростовского археологического общества и последовавших за этим репрессий против его членов (в том числе против А.А. Миллера) [7, с. 69]. Вновь они активизировались только в 1939-1940 гг., когда М.А. Миллером были проведены ограниченные охранные раскопки в южной части Нижне-Гниловского городища, выявившие плотную застройку без улиц (за исключением дороги-въезда в поселение), в основном состоявшую из жилых и хозяйственных построек площадью до 5 м² с земляным полом, обмазанным глиной, прорезавшегося хозяйственными ямами и углублениями диаметром 0,1-0,15 м по углам, турлучными стенами из «вертикально

расставленного камыша», обмазанного с двух сторон глиной, очагом в центре [7, с. 82|83]. Высоту стен, исходя из их конструкции, автор раскопок полагал не превышавшей 1,5 м [7, с. 82]. Каменные строения, похожие, по его мнению, на постройки Танаиса, были обнаружены в центральной части городища — «на акрополе», и имели «общественное или культовое назначение» [7, с. 83]. Углы зданий были сложены из подтесанных камней и были близки 90°, сами стены — из известнякового «камня-дикаря» на густом глиняном растворе, а крыши отдельных зданий были «несомненно» крыты «греческой» черепицей [7, с. 83]. Во дворе отдельных построек располагались печи тандырного типа [7, с. 84]. Тогда же были заложены разведочные раскопы на Подазовском городище [33, с. 2]. Продолжению исследований помешала начавшаяся Великая Отечественная война, сопровождавшаяся активными боевыми действиями в регионе и переходом дельты р. Дон из-под контроля одной противоборствующей стороны к другой и обратно.

В результате второго этапа научное представление о застройке памятников расширилось крайне незначительно. Исключение составило Нижне-Гниловское городище. Однако, начавшиеся исследования были остановлены в результате воздействия внешних факторов — репрессий и войн. Стоит отметить, что в этот период в историографии отсутствовали и сведения о рядовой застройке гораздо лучше изученного археологически Танаиса, остававшейся вне круга научных интересов его исследователей. Итоги изучения «сарматских укрепленных поселений танайской группы» в XIX-перв. пол. XX вв. были подведены в вышедшей в 1958 г. в Мюнхене монографии эмигрировавшего из СССР еще в годы войны М.А. Миллера [7, с. 61-93], к сожалению, опубликованные за рубежом обвиненным в коллаборационизме исследователем крайне ценные материалы ожидали не дошли до широкого круга читателей внутри СССР — его книга до сих пор практически не представлена в российских библиотеках. Вторя своим предшественникам нач. XX в., в ней он отмечал значительное греческое влияние на планировку нижнедонских городищ, уточняя, что они «возводились по всем правилам фортификационного искусства и по планам, составлявшимся греческими архитекторами-инженерами» [7, с. 61]. Он также именует группу нижнедонских городищ первых веков нашей эры «городищами с греко-варварской культурой», относя к ним также и Танаис [7, табл. I].

Начало следующего, **третьего этапа**, продолжающегося до сих пор, наступило после Великой Отечественной войны и было связано с мощным импульсом, данным археологическим исследованиям в регионе работами Нижне-Донской и Кобяковской экспедиций ИИМК АН СССР (впоследствии — ИА АН СССР) и в 1950-е гг. Оно характеризуется постепенным накоплением всесторонних знаний о памятниках в ходе спасательных раскопок, связанных с планируемым хозяйственным освоением их территорий.

Так, на Кобяковском городище в 1955-1962 гг. развернулось масштабное строительство газопровода и моста через р. Дон, в связи с чем с 1956 г. на памятнике начала работу Кобяковская археологическая экспедиция под руководством С.И. Капошиной, давшая значительные результаты [34, 35], позволившие определить характер застройки памятника в первые века нашей эры и выявить архитектурные особенности жилых домов на памятнике. Так, было выделено 2 типа жилищ — каменные и глинобитные [35, с. 99|104]. Первые имели «правильную прямоугольную форму» и были ориентированы по сторонам света [35, с. 100]. С.И. Капошина охарактеризовала кладку стен из рваного необработанного или слабо обработанного камня как регулярную [35, с. 100] (хотя по

классификации Крыжицкого [36] она явно относится к иррегулярной). Помещения имели утрамбованный глиняный пол, могли иметь подвалы или быть заглублены в землю [35, с. 100]. Характерная постройка такого типа была исследована в 1962 г. на участке IV [34, с. 46-47]. Здесь был открыт почти квадратный в плане ($2,1 \times 2,1$ | $2,23$ м) подвал, полом которого выступал материк, залегавший на глубине 2,94 м. Кладку стен, исходя из данного в публикации описания, можно характеризовать как однослойную однорядную иррегулярную постелистую, сложенную на одно лицо. В своей нижней части стены представляли собой выход материковой скалы. Кладки были сложены на глиняном растворе и покрыты обмазкой. Вдоль северо-западной и юго-восточной стен были обнаружены шесть ямок диаметром 0,21 м и глубиной ок. 0,2 м, в которых в древности могли быть установлены амфоры. Кроме того, в углах, в центре помещения и у средней части каждой из стен симметрично располагались 10 ямок диаметром 0,11-0,14 м и глубиной 0,17-0,23 м, стенки и дно которых были укреплены небольшими необработанными плитами известняка. Они могли служить для установки деревянных колонн, поддерживавших перекрытие подвала.

С.И. Капошина заключила, что кобяковские «каменные постройки возводились под влиянием строительной техники, применявшейся в греческих городах-колониях» [34, с. 46]. Однако необходимо отметить, что подвал описанной постройки занимал в несколько раз меньшую площадь, чем обычно занимали открытые подвалы в ближайшем городе с условно «греческой» каменной архитектурой — Танайсе. А во-вторых, странным предстает, что даже при такой небольшой площади для поддержания перекрытия подвала использовалось сразу 10 столбов.

Глинобитные постройки характеризовались стенами, каркас которых представлял собой переплетенные горизонтальные и вертикальные стебли «камыша», обмазанные со всех сторон толстым слоем глины, который позднее обжигался [35, с. 101]. Во многих случаях была зафиксирована побеленная штукатурка толщиной до 3-4 мм, а в некоторых побелка укладывалась поверх глины и без штукатурки [35, с. 101]. Подобные постройки имели окружную форму. Одно из таких жилищ было открыто в 1960 г. на участке III, на восточном холме городища [35, с. 102-103]. Сохранившаяся его часть имела форму широкого овала со следующими параметрами: длина с севера на юг — 1,7 м, с запада на восток — 3 м. В древности имело размеры 4,9x4 м. Сохранился пол и две окружавших его периметральные канавки шириной 0,2 м, глубиной 0,2 и 0,5 м соответственно. Между ними также сохранился глиняный пол. Вероятно, это следы перестройки. В канавки были опущены «камышовые», обмазанные глиной, стены. В полу располагались круглые ямы для столбов, поддерживавших крышу. На полу также обнаружены остатки «камышовой» кровли. Двор перед помещением, по мнению С.И. Капошиной, имел поверхность в виде утрамбованной глины [35, с. 104].

Вымостки выкладывались сравнительно плоскими камнями, края которых оставались необработанными [35, с. 100].

Касательно датировки построек разного типа — каменных и глинобитных — С.И. Капошина указывала, что не ясно, какой из типов был хронологически более ранним на памятнике, так как оба типа встречались в самых ранних горизонтах римского времени, а обнаруженный в них материал не дает возможности уточнить их датировку [34, с. 46].

К исследованию жилищ на Кобяковском городище вернулись в 2016 г., когда в рамках охранных археологических раскопок были исследованы архитектурные остатки еще двух

жилых помещений: объекта 20 и сооружения 2 на раскопе I [37]. Объект 20 представлял собой несколько напластований глиняных полов, а также развалов турлучных стен [37, с. 24]. В один из уровней полов впущена «кольцевая канавка» [37, с. 24], подобная зафиксированной ранее С.И. Капошиной. На одном из уровней полов зафиксирован очаг овальной формы (1,7x1,5 м) [37, с. 24]. Слои глиняных намазок пола с фрагментами турлучных стен, а также очаг (0,5x0,8 м) характерны для сооружения 2 [37, с. 25-26].

В 1954 г. было исследовано первое жилище, а точнее небольшой фрагмент его стены на территории *Нижне-Гниловского городища*: были выявлены «канавки с остатками камыша, глинобитные лежанки, бортик очага в средней части жилища и очаг, примыкающий к лежанке» [6, с. 229]. В рамках разбитого на нем в 1962-1963 гг. раскопа (площадь — ок. 150 м², руководитель — И.С. Каменецкий) на нижнем краю обрыва террасы, обращенного к р. Мертвый Донец, было исследовано большое количество глинобитных жилищ I-II вв. н.э. [38, с. 94]. Несмотря на то, что ни одно из них не было открыто по всей площади, исследователи смогли выявить ряд присущих им признаков. Для таких жилищ были характерны глиняные полы с несколькими уровнями намазок с неглубокими канавками по периметру с вертикально стоявшими в них стеблями «камыша», обмазанного глиной [38, с. 94]. Постройки имели четырехугольную форму со скругленными углами, а их стороны достигали 6 м [38, с. 94]. Внутри некоторых из них были обнаружены купольные, сложенные из сырцового кирпича печи диаметром до 2 м, служившие, по мнению автора раскопок, для выпечки хлеба [38, с. 94-95].

В рамках разведочных работ 2003 г. на территории памятника были открыты остатки прямоугольной в плане постройки римского времени, представленные каменными кладками,ложенными «в два ряда на сырцовой подстилке», которая «одновременно являлась полом жилища» [39, с. 115].

В 1957 г. Сухо-Чалтырским отрядом Нижне-Донской экспедиции было разбито 3 раскопа на одноименном городище.

На раскопе I (площадь — ок. 100 м²) были обнаружены развалины глинобитных сооружений А и В III в. н.э., а также остатки глинобитных построек Б, Г и Д II в. н.э. [3, с. 178-180]. При зачистке постройки В были выявлены остатки глиняной обмазки с отпечатками «плетенки» и стеблей «камыша», перекрывавшими слой пожарища толщиной 0,7 м, под которым сохранился уровень глинобитного пола «в виде слоя утрамбованной серой глины» [3, с. 178]. Остатки глиняного пола помещения Б, в центре которого располагался очаг в виде углубления неправильной формы, покрытого несколькими слоями светлой глины и заполненным золой, сохранились на подквадратном участке 5x5 м [3, с. 180]. Глиняный пол постройки Г был выявлен на участке, имевшем размеры 2x3 м [3, с. 180]. В его центре было зафиксировано подквадратное углубление со сторонами длиной в 12 см и глубиной в 1,5-2 см — вероятно, от деревянной колонны, поддерживавшей потолок постройки [3, с. 180].

Пол постройки Д из плотной желтой глины, поверх которого был зафиксирован развал из кусков глиняной обмазки с отпечатками «камыша», сохранился фрагментарно — на участке ок. 2 м². С северной и западной стороны он был окружен канавкой, заполненной золой — по предположению исследователей, она служила основанием для «плетеных стен жилища, обмазанных глиной» [3, с. 180]. Вероятнее всего, она огибалась постройку по

всему периметру, как и описанные выше канавки, открытые на Кобяковом, Нижне-Гниловском и Подазовском городищах.

На раскопе II (площадь — ок. 35 м²), разбитом на северном склоне холма, характер обнаруженных строительных остатков отличался от описанных выше. Так, остатки обнаруженной здесь постройки А III в. н.э. представляли собой глиняный пол, в котором сохранились две округлых ямки от столбов (диаметр — 0,12-0,15 м, глубина — 0,10-0,12 м), вероятно служивших для поддержания крыши, и развал каменной кладки стены. На полу были обнаружены куски обгорелой глиняной обмазки с «оттисками тростника» [3, с. 181].

Под полом постройки А залегали остатки постройки Б, зафиксированные на площади ок. 3 м², так же состоявшие из глиняного пола и развала каменных кладок стен [3, с. 182].

В слоях I в. н.э. на раскопе II был вскрыт западный фас каменной кладки стены №1, ориентированной по линии север-юг (длина — до 2,5 м, высота — до 1,2 м) [3, с. 182]. Исходя из описания, приведенного в публикации, по классификации С.Д. Крыжицкого ее можно охарактеризовать как трехслойную постелистую однорядную иррегулярную, похожую на кладки Танаиса. К западу от нее была выложена вымостка из небольших необработанных камней «сильно обтертых сверху»: по предположению И.Т. Кругликовой, «обтертость» возникла «в результате долгого пользования ею» [3, с. 182]. Под подошвой стены №1 был обнаружен материал I в. до н.э.—I в. н.э. [3, с. 182].

Раскоп III (площадь — 52,5 м²) был заложен на западном склоне холма. Как показали исследования, площадь холма (и, соответственно, культурного слоя городища) в древности была больше: его западная граница находилась западнее современной [3, с. 182]. Здесь был обнаружен восточный угол каменной постройки и фрагменты примыкавших к нему стен. Толщина стен, сложенных «из необработанных камней различных размеров», составляла 0,61-0,8 м [3, с. 183]. Что примечательно, ни одна из стен не имела четко выраженной ориентации по сторонам света, а величина угла между ними составляла ок. 60°, что указывает на неортогональность всего строения [3, с. 192, табл. VI].

Таким образом, было установлено, что характер построек, располагавшихся на вершине холма, отличался от тех, что находились к востоку от него на плато и были отделены от него балкой (сама балка, по предположению Т.И. Кругликовой, могла являться искусственным рвом [3, с. 177]). Постройки в центральной части Сухо-Чалтырского городища были каменные, тогда как в восточном районе — глинобитные.

К исследованию Сухо-Чалтырского городища вернулись в рамках разведочных работ 1996-1997 гг. на западном склоне холма, где были выявлены остатки «глинобитных и каменных построек», описание которых в публикации отсутствует [40, с. 102].

В 1962 г. был разбит раскоп (площадь — ок. 250 м², руководители — Л.М. Казакова и И.С. Каменецкий) на южной оконечности сохранившейся восточной части Подазовского городища [38, с. 95]. В 1962|1971 гг. было открыто — полностью или частично — 36 глинобитных жилищ, имевших преимущественно четырехугольную со скругленными углами, но иногда и круглую или овальную, форму, достигая в длину 8 м при ширине в 5|6 м [38, с. 95]. В более поздней публикации И.С. Каменецкий указывал, что на

памятнике «все жилища квадратные, со скругленными углами» [41, с. 90]. Была реконструирована планировка восточной части городища: вдоль вала располагался ряд домов на расстоянии ок. 1 м друг от друга, а через улицу шириной 5-6 м от него отстоял еще один такой же ряд жилищ [1, с. 212]. Площадь одного жилища «на окраине» поселения — 77 м² [6, с. 236].

По периметру домов прослеживались характерные канавки глубиной 0,3|0,5 м [1, с. 213] с остатками стоявших в них турлучных стен [38, с. 95], которые снаружи могли дополнительно укрепляться «горизонтальным поясом камыша» [42, с. 151]. Высота завалившегося в жилище 21 фрагмента стены в 2,5 м [41, с. 90] свидетельствует о том, что постройки были довольно высокими. В полевом отчете 1962 г. упоминаются (без подробного описания) также постройки из сырцового кирпича [33, с. 8, 11]. Крыши делались «из соломы или камыша» [38, с. 95], уложенного, вероятно, на деревянные слеги. Остатки их конструкций в виде деревянных балок 4x5 см в сечении были обнаружены в одной из построек из сырцового кирпича в границах раскопа II [33, с. 16].

Все постройки однокамерные — только в жилище 29 была зафиксирована турлучная перегородка, разделявшая дом на две половины [1, с. 213]. Более характерны были перегородки, наподобие прослеженной внутри жилища 22 [41, с. 90], — доходившие только до середины помещения и зонировавшие внутреннее пространство. Характерны также перегородки, отстоявшие на небольшом расстоянии от дверного проема, создававшие при входе подобие тамбура [39, с. 95], и расположенные у стен небольшие загородки, которые, по версии И.С. Каменецкого, могли предназначаться для содержания молодняка [1, с. 214].

Вдоль стен могли располагаться приподнятые на 0,3-0,4 м от уровня пола, сложенные из сырцового кирпича лежанки, очаги, основу которых составляли глиняные плиты с приподнятыми бортиками, а в отдельных случаях — небольшие сводчатые печи [38, с. 95].

В 1997 г. в рамках спасательных работ в северо-восточной части Хапровского городища были частично открыты жилища 1 и 2, представлявшие прямоугольные в плане, со скругленными углами глинобитные постройки: в отдельных местах был просложен глиняный пол толщиной 0,06|0,1 м, а по периметру — ровик-основание под стены глубиной 0,4-0,5 м с фрагментами обмазанного глиной тростника, а также камни, по предположению авторов раскопа укреплявшие стены [43, с. 92].

В 1997 г. в разбитом поблизости раскопе было выявлено 5 помещений, охарактеризованных Е.Г. Беспалым как «бытовые постройки-погребки» к. II в. н.э. на «хозяйственной периферии городища» — углубленные в землю постройки, сохранившие несколько рядов каменной обкладки (перемежающихся рядов орфостатной и ложковой на глиняном растворе) [44, с. 25, 31]. В помещении 1 были зафиксированы остатки внутренней перегородки, представлявшая собой каменную кладку «из крупных, горизонтально лежащих плит и небольших камней на глиняном растворе (высота — 1,25 м, ширина — 0,4 м), а также «рухнувшее при пожаре перекрытие, основу которого составляли деревянные балки, перевязанные прутьями и обмазанные глиной [44, с. 27-28].

Подводя итог, отметим, что на сегодняшний день жилая застройка открыта не на всех памятниках, которые сейчас принято именовать «нижнедонскими меотскими

городищами». Если по описанным нами выше причинам исключить из этого списка Нижне-раковское городище и поселение Казачий Ерик, то архитектурные остатки не были зафиксированы в Кизитеринском, Крепостном и Ростовском городищах, а также в поселении у х. Рогожкино. При этом Ростовское городище является из них наиболее изученным: в 1970-е гг. на его территории, в районе ресторана «Балканы» (угол ул. Соколова и ул. Нижнебульварной) проводили целенаправленные сборы материала С.А. Яценко и П.А. Ларенок [\[45, с. 100\]](#), а в 2006, 2011, 2013, 2016 и 2021 гг. проводились отдельные разведки и охранно-спасательные работы [\[46, с. 51-53\]](#), уточнившие его датировку и внешние границы.

При этом в последние годы представления о рядовой жилой застройки меотских поселений продолжает расширяться. В частности, были опубликованы 7 округлых в плане жилых построек сельского поселения Свинячье озеро, исследованных в 2012 г. во время спасательных раскопок при строительстве автомобильной дороги «Ростов—Азов» [\[47\]](#). Площадь турлучных построек, в которые вел прямоугольный коридор-вход в виде спуска длиной до 1 м и шириной ок. 1,5 м, варьировалась в пределах 16-20 м², а в их центре располагался очаг [\[47, с. 125-126\]](#). Внутри помещений располагались хозяйствственные ямы разных размеров.

В целом же историю развития представлений о застройке нижнедонских меотских городищ можно условно разделить на три этапа. Первый связан с исследователями XIX нач. XX вв., выстраивавшими свои теории вокруг этих памятников на основе очень скучных данных из античных письменных источников, привлекавшими данные, полученные ими при натурном обследовании поселений, а также анализировавшими преимущественно случайно попадавшие в публичное поле артефакты, происходившие с этих памятников. Никакими сведениями о застройке городищ, за исключением их внешних границ, они не располагали, а сами памятники считали «греческими» колониями Танаиса. Активное археологическое изучение памятников связано со вторым этапом, в рамках которого были уточнены границы городищ, проведены их обмеры, а также получены обрывочные сведения об архитектурных конструкциях и строительных материалов, из которых они были сделаны. Однако местные археологи-краеведы и образуемые ими общества значительно пострадали от репрессий 1930-х гг. Помешала развитию кампаний этих лет и начавшаяся Великая Отечественная война, катком прошедшая по региону. К их раскопкам вернулись уже новые исследователи и только через несколько лет — в 1950-е гг. Драйвером археологического изучения региона стали Нижне-Донская и Кобяковская археологические экспедиции ИИМК РАН, отряды которой по мере возможности занимались обследованием городищ. Учитывая множество этих памятников, приоритет отдавался изучению тем из них, территория которых предназначалась под хозяйственное освоение — раскопки были преимущественно спасательные. В общем и целом, несмотря на смену уже нескольких поколений исследователей, смену политического строя в стране и появление, а также дальнейшую трансформацию законодательства в области сохранения культурного наследия, подобное положение дел сохраняется до сих пор. Наше представление о жилой застройке этих памятников на данный момент сохраняет множество лакун: на некоторых городищах она не открыта вовсе, на других выборка исследованных построек недостаточно представлена для полновесных выводов. Для их устранения необходимо как расширение археологических исследований, так и углубление теоретических. Известные на сегодня постройки достаточно хорошо опубликованы по отдельности, но единственным обобщением накопленной по ним информацией является раздел «Жилища» в монографии 2011 г. «История изучения меотов» И.С. Каменецкого [\[6, с.](#)

[229](#)[236](#). Однако в нем автор ограничился подробным описанием своих исследований на Подазовском городище, критикой интерпретаций С.И. Капошиной касаемо жилищ Кобяковского и упоминанием вскользь раскопанного при его же участии жилища на Нижне-Гниловском, игнорируя остальные открытые до 2011 г. архитектурные остатки и постройки. Ждет своего исследователя и сравнение жилой архитектуры нижнедонских меотских городищ с меотской архитектурой в целом.

Библиография

1. Каменецкий И.С. Итоги исследования Подазовского городища // СА. 1974. № 4. С. 212-221.
2. Гармашов А.И., Ларенок В.А. Раскопки некрополей двух меотских городищ на территории Ростова-на-Дону // Историко-археологический альманах. Вып. 13. Армавир-Краснодар-М., 2015. С. 40-70.
3. Кругликова И.Т. Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II. М., 1974. С. 173-193.
4. Болтунова А.И. Ранний Танаис (III-II вв. до н.э.) // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962. С. 78-94.
5. Вдовченков Е.В. Сарматы Нижнего Подонья и оседлый мир: парадоксы центр-периферийных отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. Нижний Новгород. С. 9-14. EDN: XAXZPX
6. Каменецкий И.С. История изучения меотов. М., 2011. 383 с. EDN: QPVJWL
7. Миллер М.А. Дон и Приазовье в древности. II. Античный период. Исследования и материалы Института по изучению СССР. Вып. 67, сер. 2. Мюнхен, 1958. 202 с., 10 табл.
8. Толочко И.В., Польшин В.В. К вопросу о палеогеографической реконструкции дельты Дона в античную эпоху // Боспорские чтения. Вып. XVI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 317-328. EDN: UYTW AJ
9. Преснова Н.Н. К вопросу о развитии Танаиса в постполемоновское время // ПИФК. 2020. № 2. Магнитогорск. С. 71-82.
10. Garbuзов G.P., Tolochko I.V. The Greek Colony Tanais case study: integrated prospection approaches // Študijné zvesti Archeologického ústavu SAV. 2007. Vol. 41. P. 168-170.
11. Яценко С.А. Алания I-II вв. н.э. как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. С. 281-310.
12. Каменецкий И.С. Городища донских меотов. Вопросы датировки. М., 1993. 176 с.
13. Вдовченков Е.В., Арамова О.Ю., Джи Ын Ли, Леонова Д.К., Флоринская В.С., Тищенко А.А., Корниенко И.В. Происхождение донских меотов и сарматов по данным палеогенетики (по результатам аутосомных STR-локусов) // МАИАСП. 2023. № 15. Нес-Циона. С. 443-456. DOI: 10.53737/1325.2023.67.90.012 EDN: LHRYLI
14. Крылов А.Л. О старине Донской области // Труды VI археологического съезда в Одессе в 1884 году. Одесса, 1889. Т. 4. С. 26-78.
15. Арсеньева Т.М., Житников В.Г., Казакова Л.М., Науменко С.А., Прохорова Т.В. Итоги исследования юго-западного холма городища Танаис // ИАИАНД в 1999–2000 гг. Вып. 17. Азов, 2001. С. 18-21.
16. Раев Б.А. К топографии городища Танаис // ИАИАНД. Азов, 2002. Вып. 18. С. 320-326.
17. Казакова Л.М. Еще раз к топографии городища Танаис (по поводу заметки Б.А. Раева) // ИАИАНД. Азов, 2004. Вып. 19. С. 229-235.
18. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. М., 1970. 251 с.
19. Собрание NARA II. GX 3857, SD/17.

20. Гадло А.В. Поселение XI-XII вв. в дельте Дона // КСИА АН СССР. Вып. 99. М., 1964. С. 40-45.
21. Стемповский И.А. Два письма Стемповского о местоположении древнего Танаиса // Пропилеи. Сборник статей по классической древности. М., 1854. С. 387-396.
22. Тизенгаузен В.Г. О производстве археологических исследований в земле Войска Донского // Архив ИИМК. Ф. 1. 1865. Д. 7.
23. Краснянский М.Б. Розыски древних поселений Дона // Записки Ростовского на Дону Общества Истории, Древностей и Природы / под ред. А.М. Ильина. Ростов-на-Дону, 1914. С. 139-143.
24. Краснянский М.Б. Ростовская старина (Забытое городище) // Приазовский край. 1910. № 62.
25. Историко-археологическая хроника Донской области за 1909, 1910 и 1910 годы // Записки Ростовского на Дону Общества Истории, Древностей и Природы / под ред. А.М. Ильина. Ростов-на-Дону, 1914. Т. II. С. 225-227.
26. Ильин А.М. Прошлое Донской дельты // Записки Ростовского на Дону Общества Истории, Древностей и Природы. Ростов-на-Дону, 1914. Т. II. С. 71-82.
27. Ильин А.М. Передовая фактория Танаиса // Записки Ростовского на Дону Общества Истории, Древностей и Природы. Ростов-на-Дону, 1914. Т. II. С. 147-174.
28. Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России. Найдены 1903-1905 гг. // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 14. 1905. С. 94-137.
29. Корпус боспорских надписей / под ред. В.В. Струве. М.-Л., 1965. 951 с.
30. Книпович Т.Н. Танаис. М.-Л., 1949. 177 с.
31. Иноземцев Г.А. Ростовское городище // Записки СКОАИЭ. Книга I (Том III). Вып. 2. 1927. Ростов-на-Дону. С. 21-23.
32. Миллер А.А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг. // СГАИМК. Т. I. Л., 1926. С. 71-142.
33. Шелов Д.Б. Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции в 1962 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2810.
34. Капошина С.И. Итоги работ Кобяковской экспедиции. 1956-1962 гг. // КСИА. М., 1965. Вып. 103. С. 45-52.
35. Капошина С.И. Раскопки Кобякова городища и его некрополя // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962. С. 95-119.
36. Крыжицкий С.Д. О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья // КСИА АН СССР. Вып. 168. М., 1981. С. 35-41.
37. Ларенок В.А., Ларенок П.А. Раскопки Кобякова городища в 2016 году // ИАИАНД в 2017 г. Вып. 31. С. 22-34.
38. Шелов Д.Б. Нижне-Донская экспедиция в 1962-1963 гг. // КСИА АН СССР. Вып. 107. М., 1966. С. 92-98.
39. Копылов В.П. Завершение разведочных работ на Нижнегниловском городище // ИАИАНД в 2003 г. Вып. 20. Азов, 2004. С. 114-119.
40. Копылов В.П., Томашевич-Бук Т., Иванов А.А. Разведочные работы на Сухо-Чалтырском городище в 1996-1997 гг. // ИАИАНД в 1995-1997 гг. Азов, 1998. Вып. 15. С. 99-104.
41. Каменецкий И.С. Подазовское городище // АО. 1967 г. М., 1968. С. 90-91.
42. Каменецкий И.С. Окончание работ на Подазовском городище // АО. 1971. М., 1972. С. 151-152.
43. Казакова Л.М., Беспалый Г.Е., Козюменко Е.В. Итоги охранных археологических работ на Хапровском городище. 1995 г. // ИАИАНД в 1995-1997 гг. Азов, 1998. Вып. 15. С. 84-96.

44. Беспалый Г.Е. Исследование Хапровского городища в 1997 году // ИАИАНД в 1995–1997 гг. Азов, 1998. Вып. 15. С. 24-32.
45. Коротоякская Е.В. Археологическая зачистка на территории Ростовского городища в г. Ростов-на-Дону в 2011 году // ИАИАНД в 2012 году. Вып. 28. Азов, 2014. С. 98-111.
46. Коваленко А.Н. К вопросу о хронологии Ростовского городища // Третья Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (5 апреля 2023 г.). Армавир, 2023. С. 49-53. EDN: DTIOTD
47. Ларенок В.А., Ларенок П.А. Новое меотское поселение сельской округи Танаиса // IV Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28-30 мая 2014 г.). Краснодар, 2014. С. 125-127.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена анализу современных представлений о жилой застройке нижнедонских меотских городищ первых веков нашей эры и истории формирования этих представлений в археологической науке. Автор рассматривает комплекс укрепленных поселений в дельте реки Дон, существовавших с рубежа эр до III века н.э., уделяя особое внимание архитектурным особенностям жилых построек и строительным традициям.

Методология исследования

Автор применяет комплексный подход, сочетающий историографический анализ с критическим пересмотром археологических данных. Методологическая основа включает:

Историографический обзор исследований с начала XIX века по настоящее время

Критический анализ археологических отчетов и публикаций

Сравнительный анализ архитектурных остатков различных памятников

Ретроспективную оценку интерпретаций предшественников

Методологически статья выполнена на высоком уровне, хотя автор мог бы более активно использовать сравнительно-типологический метод для систематизации архитектурных данных.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами:

Отсутствием современного обобщающего исследования жилой архитектуры нижнедонских городищ

Необходимостью критического пересмотра накопленных данных

Активным разрушением памятников в результате хозяйственной деятельности

Потребностью в систематизации разрозненных археологических наблюдений

Автор справедливо отмечает, что после работы И.С. Каменецкого 2011 года не предпринималось попыток комплексного анализа архитектурных остатков этих памятников.

Научная новизна

Научная новизна работы проявляется в нескольких аспектах:

Впервые представлена систематическая история изучения жилой застройки нижнедонских городищ

Предложена периодизация исследований (три этапа)

Критически пересмотрен состав памятников (исключение Нижне-Раковского городища и поселения Казачий Ерик)

Систематизированы разрозненные данные о строительных традициях

Особенно ценным представляется критический анализ статуса Нижне-Раковского «городища», убедительно показывающий, что речь идет о мусорной свалке Танаиса, а не о самостоятельном поселении.

Стиль, структура, содержание

Статья написана научным языком с соблюдением требований жанра. Структура логична и последовательна: от общей характеристики памятников к истории их изучения и детальному анализу архитектурных остатков.

Содержание насыщено фактическим материалом, автор демонстрирует глубокое знание источников. Однако статья страдает определенной описательностью - автор подробно излагает результаты раскопок, но не всегда предлагает их интерпретацию или обобщение.

Иллюстративный материал ограничен одним рисунком (космоснимок с нанесенными памятниками), что недостаточно для работы такого объема и сложности.

Библиография

Библиографический аппарат включает 47 наименований, охватывающих период с середины XIX века до 2023 года. Список источников представительный и включает архивные материалы, отчеты, статьи и монографии. Автор активно использует малоизвестные работы (например, труды М.А. Миллера 1958 года, изданные в Мюнхене).

Вместе с тем, в библиографии заметен крен в сторону отечественных исследований. Привлечение зарубежных работ по меотской и сарматской археологии могло бы обогатить исследование.

Апелляция к оппонентам

Автор последовательно ведет научную полемику с предшественниками, критически оценивая их выводы и интерпретации. Особенно детальной критике подвергаются построения Б.А. Раева относительно Нижне-Раковского городища, где автор приводит убедительные аргументы в пользу альтернативной интерпретации.

Критический подход автора конструктивен - он не ограничивается отрицанием чужих гипотез, но предлагает альтернативные объяснения. Однако в ряде случаев критика могла бы быть более развернутой (например, в отношении концепции «хоры Танаиса»).

Выводы, интерес читательской аудитории

Основные выводы автора:

Необходимость корректировки списка нижнедонских меотских городищ

Выделение трех этапов в истории изучения памятников

Констатация фрагментарности современных знаний о жилой застройке

Потребность в расширении исследований и их теоретическом обобщении

Статья будет интересна специалистам по античной археологии, меотской культуре, истории археологической науки. Работа может служить отправной точкой для будущих исследований архитектуры меотских поселений.

Общая оценка и рекомендации

Статья представляет собой добротное историографическое исследование с элементами источниковедческого анализа. Автор проделал значительную работу по систематизации разрозненных данных и критическому пересмотру устоявшихся представлений.